

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN HISTORY

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.017

УДК 94(571.1)"19":332.122(091)

ББК 63.3(253.3)6-2

Л.И. МИХЕЕВ

КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРСКОГО СЕВЕРА В XX ВЕКЕ

L.I. MIKHEEV

CONCEPT OF SPACE IN THE CONTEXT OF HISTORICAL UNDERSTANDING OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN NORTH IN THE XX CENTURY

Концепт пространства входит в предметную область исследований многих наук и является ключевым для понимания сущности природы происходящих процессов в определяемых рамках. Пространство обладает свойством изменчивости во времени и не имеет четких административных границ. Характерными чертами пространства являются его образы, которые позволяют выделить его особенности. Природно-географические и политико-административные особенности российского пространства формируют новые векторы исследования не только в гуманитарных науках, но и способствуют развитию междисциплинарных исследований.

Основной целью статьи является определение значимости пространства Сибирского Севера для государства и его восприятие в обществе. В качестве методологии за основу был выбран инструментарий экологической истории.

Пространство Сибирского Севера многомерно и состоит из образов: культурного, географического, политico-географического, историко-географического, которые дополняют друг друга.

С начала 1920-х гг. Север прочно вошел в стратегию развития экономики страны благодаря своему ресурсному потенциалу. Изначально пространство Севера представлялось суровым, необжитым, труднодоступным для освоения ввиду сложных природно-климатических условий.

Во второй половине XX века в период промышленного освоения региона произошло изменение восприятия пространства Сибирского Севера как государством, так и обществом. Развитие науки и техники способствовали стремительному, но зачастую нерациональному освоению природных ресурсов, которое привело к серьезным экологическим последствиям. Природа стала ближе и доступнее для человека. Постепенно меняется ментальный образ пространства Сибирского Севера от богатого природными ресурсами, которые надо максимально использовать для развития экономики в направлении защиты и охраны природы, рациональному природопользованию

The concept of space is the subject of research in many sciences. The space has the property of variability over time and does not have clear administrative boundaries. The characteristic

features of space are its images that highlight the features of space. The natural-geographical and political-administrative features of the Russian space create new vectors of research in the humanities and develop interdisciplinary research.

The main purpose of the article is to determine the significance of the space of the Siberian North for the state and its perception in society. The tools of environmental history were chosen as the basis for the methodology.

In the second half of the twentieth century, during the period of industrial development of the region, the perception of the space of the Siberian North by the state and society changed. The development of science and technology has contributed to the rapid and unsustainable development of natural resources. This has led to serious environmental consequences. Nature has become closer and more accessible to people. The mental image of the space of the Siberian North is gradually changing from one rich in natural resources, which must be used as much as possible for economic development, to protection and conservation of nature, rational environmental management.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пространство, промышленное освоение, природные ресурсы, Сибирский Север.

KEY WORDS: space, industrial development, natural resources, Siberian North.

ВВЕДЕНИЕ. В науке данное понятие изначально являлось частью методологии познания в философии. В дальнейшем категория «пространство» прочно заняла позиции и в других науках, в первую очередь, в географии. Понятие «географическое пространство» как геометрическая интерпретация пространства появилось в среде географов в Европе в 1930-х гг. Об этом пишут Х.М. М. Родригес и Ю.С. Гринфель, указывая в качестве основоположников концепции географического пространства Августа Лёша и Вальтера Кристаллера [17, с. 85].

Трактовка понятия пространства для современных исследователей будет зависеть от контекста исследуемой проблемы, но зачастую в определении пространства присутствуют такие категории, как общество, ресурс, граница. Для проведения региональных исследований может использоваться определение, сформулированное Р.Ф. Туровским: «Пространство — это совокупность объектов (предметов, явлений), которые рассматриваются с помощью таких атрибутов, как положение относительно друг друга, протяженность, форма, расстояние и ориентация» [20, с. 15].

Стоит отметить, что понятие «пространство» используется и в исследованиях, предметом которых вступает общество, народы, при этом, как отмечает В.В. Симонова, «пространство не является статичной категорией и не может анализироваться с позиции территориальности. Пространство является продуктом социокультурной креативности и социокультурного воображения, политическим конструктом» [19, с. 8].

Исторические исследования, посвященные пространству, способствовали появлению такого понятия, как «историческое пространство». Историческое пространство, по мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, представляет собой «взаимодействие социального пространства с географическим, применительно к прошлому». При этом ученые отмечают многозадачность исторического пространства, его подвижность (способность к перемещению), его разнообразные масштабы от района города до стран и объединения стран [18, с. 161-162].

Ряд ученых отмечает прямую взаимозависимость пространства и власти, например, С.А. Королев формулирует свое определение пространства следующим образом: «Географическое и социальное пространство, организованное, структурированное, стратифицированное определенной исторической сложившейся совокупностью властных технологий» [15, с. 7].

Д.Н. Замятин в своем труде также указывает на особенности взаимовлияния пространства, власти и культуры в истории России. Ученый отмечает, что «пространство видоизме-

няет власть; в свою очередь, контролирует ее и становится в известном смысле этой самой властью, отождествляя себя с ней» [8].

На наш взгляд, данные точки зрения вполне закономерны, поскольку с момента включения пространства в интересы государства, на него начинают распространяться властные отношения. В этом ключе изучение процессов промышленного освоения пространства Сибирского Севера невозможно представить без исследования позиций государства по отношению к нему, инструментов и технологий преобразования пространства. Стоит отметить, что определение понятия «пространство», сформулированное разными науками, вполне применимо и в исторических исследованиях, поскольку исследование пространства, как минимум, будет включать обоснование хронологических рамок, выявление причин и предпосылок возникновения объектов пространства и их взаимодействия.

ЦЕЛЬЮ данной статьи является определение значения пространства Сибирского Севера для государства и изменение его восприятия в период промышленного освоения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве основного метода исследования выступает анализ подходов современного научного знания к определению понятия «пространства». Также используются подходы экологической истории для выявления причин изменения отношения государства и общества к Сибирскому Северу.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Для более эффективного достижения целей со стороны государства в том или ином пространстве создаются его определенные образы. В качестве характерных черт пространства выступают образы: историко-географические, политico-географические и др.

По мнению Д.Н. Замятиной, географические образы — это совокупность ярких, характерных символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства. В свою очередь, исходные, фундаментальные политico-географические образы российского пространства оказывают непосредственное влияние на содержание и формы политических процессов в России и за ее пределами [7, с. 29]. Также образы могут являться моделями пространства. На современном этапе понятие пространства продолжает оставаться наиболее употребляемым именно в экономике. Подходы исследователей к раскрытию сущности пространства встречаются в отечественной периодике, примером тому может служить один из номеров журнала «Отечественные записки» за 2002 год, посвященный темам границ, территорий и пространства.

Согласно мнению А.Ахиезера, «пространство — всегда реальный и потенциальный ресурс жизнедеятельности людей, который используется для разрешения проблемных ситуаций, для восполнения дефицита, для преодоления кризисов, возможно угрожающих катастрофой соответствующим сообществам, группам, личностям» [1].

Значительные площади России и большая протяженность ее границы не оставались без внимания со стороны западных коллег в XX веке. Анализируя тенденции мировой истории и роль географического фактора в ней, Х.Маккиндер приходит к выводу, что обширные пространства центральной части евразийского континента, которые в большинстве совпадают с границами Российской империи, позднее — с границами Советского Союза, обладают важным стратегическим потенциалом и образуют определенную ось, вокруг которой выстраивается дальнейшая система взаимоотношений стран [16, с. 162-169]. Имея выгодное месторасположение, осевые страны обладают всеми необходимыми ресурсами для распространения своего влияния за пределы своих границ.

Американские специалисты Ф.Хилл, К.Гэдди в качестве положительных сторон наличия обширного пространства у России отмечают, что это главный фактор международного влияния, при этом уделяют большее внимание недостаткам обладания таких территорий, называя это «бременем»: сложность защиты границ, содержание большой постоянной армии, проблема преодоления дальнего расстояния, неудобство больших территорий для развития экономики [21, с. 22-24].

Стоит отметить, что гипотеза «ресурсного проклятия» была сформулирована еще в 1970-х гг. и предполагала, что страны, обладающие богатым природно-ресурсным потенциалом, демонстрировали слабое развитие экономики в отличие от тех стран, где природных ресурсов меньше, но наблюдается рост экономики. О.Г. Васильева в своем труде проводит анализ эмпирических работ, посвященных определению роли природных ресурсов в экономике страны, и приходит к выводу, что многочисленные исследования носят противоречивый характер. «Направление и характер связи между природными ресурсами и экономическим развитием, а также интерпретация результатов зависят от того, как был рассчитан показатель, использовавшийся как прокси для природных ресурсов, какие виды природных ресурсов были рассмотрены» [3, с. 91].

В целом тема пространства для России является архиважной и определяет ее развитие. На протяжении столетий Русское государство, так или иначе, включало в себя приграничные территории на юге, западе, севере. Наиболее важным этапом в расширении территории государства принято считать присоединение Сибири в XVII веке. Сибирское пространство постепенно колонизировалось центральной Россией, тем самым стремительно увеличивая общую площадь границ. Расширение пространства привело к осознанию его значимости для России и стремлению определить его роль и место в жизни общества, культуры, истории.

С включением новых земель начался поиск наиболее эффективных инструментов управления территориями, что отражалось в череде реформ административно-территориального управления, начиная с 1708 года с первых реформ Петра I. Дальнейшее освоение «безграничного» пространства привело не только к укоренению экстенсивного способа его освоения, но и к усилению административных механизмов.

В Советском Союзе уже в 1920-е гг. активно развивалась научная мысль в этом направлении. Как отмечал Н.Н. Колоссовский, революционная борьба нового со старым предопределила дальнейшее развитие географии, которое заключалось не только в описании мира, но и в его преобразовании [20, с. 15]. Послереволюционный период является важным в плане осмыслиения идей и задач преобразований, проводимых новой властью.

В руках нового правительства оказались огромные территории Дальнего Востока, Сибири, ресурсы которых можно было обратить в доход государства. Административно-территориальные изменения затронули все сферы жизни общества, в первую очередь, экономику.

В качестве основы для территориальных изменений был взят принцип экономического районирования, которое позволило бы наладить взаимодействие производственно-территориальных объектов, рынки сбыта, взаимосвязь всех звеньев управления. «Изучение хозяйства такой огромной и разнообразной страны, как СССР, невозможно без разделения ее по основным признакам на районы», отмечал Н.Н. Колоссовский [13, с. 103]. Именно в этот период был образован Госплан, который играл главную роль в экономическом развитии советского периода. Для обсуждения решений Госплана созывались специальные конференции по изучению производительных сил и экономическому районированию.

Экономический район представлял собой территорию с установленными границами, в рамках которого имеющиеся природные ресурсы, население и накопленные культурные ценности с учетом достижений техники позволили бы создать мощную хозяйственную систему и, как следствие, развитую экономическую систему.

В 1950-е гг. в СССР наблюдалось активное развитие экономической мысли, направленное на поиск более эффективных методов управления, размещения хозяйственных систем. Как отмечает А.Г. Гранберг, весомый вклад в развитие теории пространственной экономики внесла работа Августа Лёша «Пространственная организация хозяйства», опубликованная в СССР в 1959 году [5, с. 6–7], в которой были представлены идеи пространственного размещения производительных сил.

По мнению А.Г. Гранберга, данная концепция продолжила свое развитие в сфере экономики в 1950-х гг. в Советском Союзе, выделяя экономическое пространство как объект исследований, при этом уделяя значительное внимание возможности применения «математизации экономической практики». Автор объясняет, что в условиях плановой экономики некоторые взгляды А.Лёша получили отклик в научной среде, например, идеи о размещении предприятий в условиях ранее зафиксированного размещения производителей и потребителей, о модернизации расчетных методов, обоснования рыночных зон и др. [10, с. 130-139].

На протяжении многих десятилетий образ пространства страны был связан, в первую очередь, с экономическим сектором. Количественные показатели производства широко транслировались в обществе, создавая благоприятный образ экономической ситуации. Это можно объяснить не только экономическими целями, но и политико-идеологическими, свойственными для второй половины XX века: «догнать и перегнать Запад». Следуя принципу использования природных ресурсов обширных пространств, государство постепенно выстраивает систему их освоения, преобразования и использования.

Первая четверть XX века — это время крупномасштабных преобразований во всех сферах молодого советского государства: экономической, социальной, культурной. Север с его богатым ресурсным потенциалом стал одним из важных векторов развития государственной политики.

Преимущества Севера описывал С.А. Бутурлин, ученый, известный исследователь Русского севера. В своей статье он дал подробное описание Севера всей страны: коренным народам, животному миру, растительному миру, природе, климату. Преимуществом его работы можно считать, что он достаточно убедительно развенчал мифы о суровости Севера и невозможности его освоения, выделил реальные недостатки, которые заключались в необжитости пространства, бездорожье, коротком времени навигации и т.п. При этом он отмечал, что все эти недостатки будут исправлены со временем, когда общество будет осваивать северные территории, как когда-то в древности люди осваивали более южные регионы.

С.А. Бутурлин большое внимание уделил будущему значению Севера, которое он видел не только в более полном хозяйственном освоении природных богатств: организации пушного промысла, развитии оленеводства, рыбного хозяйства, но и в развитии транспортных сетей международного сообщения, аккуратном вовлечении местных народов в процесс освоения [2, с. 63-65]. В этот период экономическое развитие страны характеризовалось полномасштабными процессами модернизации и индустриализации, которые оказали прямое влияние на развитие образа Севера, характерной чертой которого всегда являлась ресурсная составляющая.

Усиление роли Севера для государства прослеживалось в создании в 1954 году Комиссии по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил Академии наук. Главной задачей Комиссии была разработка новых методов управления и освоения Севера, при этом комиссия занималась исследованием ресурсного потенциала северных территорий, научными разработками. С 1962 года комиссию возглавлял С.В. Славин, выдающийся северовед, который с 1930-х гг. принимал активное участие в деятельности различных институтов по освоению Севера.

Славин считал, что Север не просто географическая территория, а, в первую очередь, природно-экономическая территория, и поэтому выделял критерии отнесения местности к Северу: 1) северное расположение относительно старообжитых и географически развитых районов страны; 2) суровые природные условия, затрудняющие развитие сельскохозяйственной деятельности и создание многих отраслей промышленности, что в свою очередь влияет на слабую заселенность территории; 3) слабое развитие транспортной сети на огромных пространствах; 4) повышенные затраты труда по сравнению с южными районами [11, с. 191].

После присоединения Сибири к Русскому государству в XVI в. данный регион на многие столетия стал представлять собой ценную ресурсную базу, однако говорить о каком-либо его развитии не представляется возможным вплоть до начала XX века ввиду наличия естественных

природно-географических и демографических особенностей (удаленность от центра, отсутствие налаженных транспортных путей, низкая плотность населения). В конце XIX — начале XX века на основе промыслов постепенно развивалась хозяйственная деятельность Сибирского Севера, параллельно наблюдалось развитие транспортных путей, связующих Сибирь с центральной Россией.

В этот период общественность, в том числе и научная, обратилась к изучению коренных народов Севера как самобытных, сохранивших свою культуру и образ жизни. О.И. Еремеева отмечает, что огромная роль в изучении народностей Сибирского Севера принадлежала Тобольскому, Енисейскому и Томскому статистическим комитетам, которые собирали многообразные сведения. Центрами многосторонних и плодотворных научных исследований стали Тобольский губернский музей и музей Приенисейского края [6, с. 76]. В числе выдающихся ученых можно отметить А.А. Дунин-Горкевича, Николая Лукича Скалозуба, Николая Львовича Гондатти и др. Их исследования проводились в области этнографии.

В целом стоит отметить, что наличие коренного населения на территории Сибирского Севера в дальнейшем способствовало созданию его историко-культурного образа. «Особо сильную определяющую роль в формировании историко-культурного пространства играют северные ландшафты, в экстремальной природной среде Севера, культурнохозяйственные особенности больше подчинены физико-географическим условиям, нежели традиционно-бытовым занятиям населяющих данный регион этносов [9, с. 562]. С середины 1960-х гг., с началом освоения месторождений нефти и газа на территории Севера Западной Сибири, начался новый индустриальный этап освоения природных ресурсов. Данный этап характеризуется вовлечением всех видов природных ресурсов в хозяйственный оборот, интенсивностью их добычи, кардинальным изменением природных ландшафтов.

Север стал представляться как богатый природными ресурсами регион, с промышленностью набирающей темпы роста. Сложные условия труда и жизни в тайге воспринимались с некоторой долей романтики покорителей, и он стал интенсивно заселяться. Наблюдался рост населения, преимущественно молодого трудоспособного возраста. Однако сложные природно-климатические условия, медленное строительство социальной инфраструктуры, жилплощади обостряли социальную ситуацию. Значительная часть приехавших возвращалась обратно. Однако такая информация не транслировалась через средства массовой информации, тем самым не нарушался задуманный государством образ Сибирского Севера.

При этом традиционные отрасли экономики во второй половине XX века в полной мере ощутили на себе специфику модернизационных процессов, которые выражались «в существенном воздействии минерально-сырьевого сектора экономики на них, на социальные процессы, на весь уклад жизни коренных малочисленных народов Севера [12, с. 680].

Изменение системы хозяйствования привело и к изменению восприятия пространства Севера. Как отмечает Е.И. Гололобов, на изменение образа Севера оказала влияние политическая парадигма «покорения природы», доминировавшая в СССР [4, с. 150]. Север представлялся как природная кладовая, ресурсы которой человек должен изъять и использовать по максимуму. Все это должно было являться подтверждением силы и правильного курса советской власти.

С середины 1970-х гг. произошло некоторое осознание негативного влияния промышленности на природу. В региональной периодической печати стало увеличиваться количество публикаций, посвященных проблемам природы, ее охране. В этой ситуации поменялось отношение к северной природе и природным ресурсам в сторону защиты, охраны и бережного использования. Тем не менее, реальных действий производственных предприятий по сокращению негативного воздействия было катастрофически мало и не изменило общее обострение экологической обстановки.

ВЫВОДЫ. Таким образом, можно сказать, что пространство имеет определенные границы, но они могут быть подвижны как по времени, так и по территории. Внутри пространства

все предметы, явления, события тесно взаимосвязаны друг с другом. Север, обладая значительными природными ресурсами, прочно вписался на долгие годы в экономику страны, в ее экономическое пространство. Следуя политики индустриализации, проводимой государством, Сибирский Север начал, в большей степени, ассоциироваться с производственным регионом, а освоение природных ресурсов как победа над природой.

Пространство Севера, в том числе и Севера Западной Сибири, на протяжении XX века претерпели значительные изменения от неосвоенных территорий и нетронутой природы до крупномасштабного освоения природных ресурсов. Как отмечает А.Ахиезер, «сущность территорий для человека в конечном итоге определяется реальной и потенциальной способностью человека осваивать ее, превращать из внекультурного природного явления в пространство человеческих условий, средств и целей, в сферу реализации человеческих способностей» [1].

В этом ключе стоит согласиться с мнением Е.И. Гололобова о том, что в ходе освоения Севера Сибири произошло сокращение пространства природы и расширение территории окружающей среды. Образ Сибирского Севера в социально-географическом пространстве СССР и в общественном сознании совершил переход от «бесплодной земли» к «северной равнине» [4, с. 150].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 3. Литературный интернет проект «Журнальный зал». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/rossijskoe-prostranstvo-kak-predmet-osmysleniya.html> (дата обращения 05.04.2024).
2. Бутурлин С.А. Что такое «Север», кто там живет и будущее мировое значение его // Советский Север: первый сборник статей / Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК; под ред. П.Г. Смидовича, С.А. Бутурлина и Н.И. Леонова. М., 1929. 278 с.
3. Васильева О.Г. Проблемы оценки природных ресурсов в эмпирических исследованиях «ресурсного проклятия» // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 67–91.
4. Гололобов Е.И. Сибирский Север: динамика образа — от BarrenGrounds к NorthernPlain // QuaestioRossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 137–152.
5. Гранберг А.Г. Идеи Августа Лёши в России // Пространственная экономика. 2006. № 2. С. 5–22.
6. Еремеева О.И. Гуманитарные исследования на Сибирском Севере в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4–3. С. 76–81.
7. Замятин Д.Н. Политико-географические образы российского пространства // Политическая наука. 2003. № 3. С. 28–39.
8. Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России// Отечественные записки. 2002. № 3.Литературный интернет проект «Журнальный зал».URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/strategii-interpretaczi-istoriko-geograficheskikh-obrazov-rossii.html>(дата обращения 05.04.2024)
9. Зелюткина Л.О. Развитие этнического потенциала историко-культурного пространства Севера России // География: развитие науки и образования: Герценовские чтения, 68: коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию создания ЮНЕСКО, 22–25 апреля 2015 года. Санкт-Петербург, 2015. С. 561–563.
10. К 80-летию со дня рождения Александра Григорьевича Гранберга: Ученый, Учитель, Человек / под ред. чл.-корр. РАН В.И. Суслова, д.э.н. С.А. Суспицына — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. 324 с.
11. Калеменева Е.А. Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг. Случай комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181–198.
12. Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю., Герасимова Г.И. Социализм в тундре: ненцы кочевники Ямала на волнах советской северной политики в 1930-е-1980-е гг. // Новейшая история России. 2018. Том 8. № 3. С. 679–690.
13. Колсовский Н.Н. К вопросу об экономическом районировании // Пространственная экономика. 2009. № 1. С. 102–123.

14. Колоссовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск. 2006. 326 с.
15. Королев С.А. Бесконечное пространство: гео-и социографические образы власти в России. М., 1997. 234 с.
16. Маккиндер Х. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
17. Родригес Х.М.М., Гринфельд Ю.С. Понятия «пространство» и «территория» в географии Латинской Америки // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 84–92.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во «Алетейя. Историческая книга», 2007. 523 с.
19. Симонова В.В. Интерпретация пространства представителями малочисленных народов Севера в различных социокультурных средах: Автограф... канд. соц. наук. Москва, 2008. 35 с.
20. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: 2006. 784 с.
21. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 328 с.

REFERENCES

1. Ahiezer A. *Rossijskoe prostranstvo kak predmet osmysleniya* [Russian space as a subject of understanding] // Otechestvennye zapiski. 2002. № 3. Literaturnyj internet proekt «ZHurnal'nyj zal». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/rossijskoe-prostranstvo-kak-predmet-osmysleniya.html> (data obrashcheniya 05.04.2024). (In Russian).
2. Buturlin S.A. *CHto takoe «Sever», kto tam zhivet i budushchee mirovoe znachenie ego* [What is the “North”, who lives there and its future global significance] // Sovetskij Sever: pervyj sbornik statej / Komitet sodejstviya narodnostyam severnyh okrain pri Prezidiume VCIK; pod red. P.G. Smidovicha, S.A. Buturlina i N.I. Leonova. M., 1929. 278 s. (In Russian).
3. Vasil'eva O.G. *Problemy ocenki prirodnnyh resursov v empiricheskikh issledovaniyah «resursnogo proklyatiya»* [Problems of natural resource assessment in empirical studies of the «resource curse»] // Prostranstvennaya ekonomika. 2018. № 4. S. 67–91. (In Russian).
4. Gololobov E.I. *Sibirskij Sever: dinamika obraza — ot BarrenGrounds k NorthernPlain* [Siberian North: dynamics of the image — from BarrenGrounds to NorthernPlain] // QuaestioRossica. 2017. T. 5. № 1. S.137–152. (In Russian).
5. Granberg A.G. *Idei Avgusta Lyoshi v Rossii* [Ideas of August Lesha in Russia] // Prostranstvennaya ekonomika. 2006. № 2. S. 5–22. (In Russian).
6. Eremeeva O.I. *Gumanitarnye issledovaniya na Sibirskom Severe v konce XIX — nachale XX v.* [Humanitarian research in the Siberian North at the end of the 19th — beginning of the 20th century] // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 4–3. S.76–81. (In Russian).
7. Zamyatin D.N. *Politiko-geograficheskie obrazy rossijskogo prostranstva* [Political and geographical images of Russian space] // Politicheskaya nauka. 2003. № 3. S.28–39. (In Russian).
8. Zamyatin D.N. *Strategii interpretacii istoriko-geograficheskikh obrazov Rossii* [Strategies for interpreting historical and geographical images of Russia] // Otechestvennye zapiski. 2002. № 3. Literaturnyj internet proekt «ZHurnal'nyj zal». URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/strategii-interpretacii-istoriko-geograficheskikh-obrazov-rossii.html> (data obrashcheniya 05.04.2024). (In Russian).
9. Zelyutkina L.O. *Razvitiye etnicheskogo potenciala istoriko-kul'turnogo prostranstva Severa Rossii* [Development of the ethnic potential of the historical and cultural space of the North of Russia] // Geografiya: razvitiye nauki i obrazovaniya: Gercenovskie chteniya, 68: kollektivnaya monografiya po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu sozdaniya YUNESKO, 22–25 aprelya 2015 goda. Sankt-Peterburg, 2015. S. 561–563. (In Russian).
10. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Grigor'evicha Granberga: Uchenyj, Uchitel', Chelovek [To the 80th anniversary of the birth of Alexander Grigorievich Granberg: Scientist, Teacher, Person] / pod red. chl.-korr. RAN V.I. Suslova, d.e.n. S.A. Suspicyna — Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2016. 324 s. (In Russian).

11. Kalemeneva E.A. *Smena modeley osvoeniya Sovetskogo Severa v 1950-e gg. Sluchaj komissii po problemam Severa* [Change of models of development of the Soviet North in the 1950s. The case of the commission on problems of the North] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*. 2018. № 2. S.181–198. (In Russian).
12. Karpov V.P., Gavrilova N.YU., Gerasimova G.I. *Socializm v tundre: nency kochevniki Yamala na volnah sovetskoy severnoy politiki v 1930-e-1980-e gg.* [Socialism in the tundra: Nenets nomads of Yamal on the waves of Soviet northern policy in the 1930s-1980s.] // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2018. Tom 8. № 3. S.679–690. (In Russian).
13. Kolosovskij N.N. *K voprosu ob ekonomicheskem rajonirovaniu* [On the issue of economic zoning] // *Prostvannennaya ekonomika*. 2009. № 1. S.102–123. (In Russian).
14. Kolosovskij N.N. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Smolensk. 2006. 326 s. (In Russian).
15. Korolev S.A. *Beskonechnoe prostranstvo: geo-i sociograficheskie obrazy vlasti v Rossii* [Infinite space: geo-and sociographic images of power in Russia]. M., 1997. 234 s. (In Russian).
16. Makkinder H. *Geograficheskaya os' istorii* [The Geographical pivot of history]// *Polis*. 1995. № 4. S. 162–169. (In Russian).
17. Rodriges H.M.M., Grinfel'dt YU.S. *Ponyatiya «prostranstvo» i «territoriya» v geografii Latinskoj Ameriki* [The concepts of “space” and “territory” in the geography of Latin America] // *Social'no-ekonomicheskaya geogr-afiya. Vestnik Asociacii rossijskih geografov-obshchestvovedov*. 2018. № 7. S.84–92. (In Russian).
18. Savel'eva I. M., Poletaev A.V. *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of historical knowledge]: Ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo «Aletejya. Istoricheskaya kniga», 2007. 523 s. (In Russian).
19. Simonova V.V. *Interpretaciya prostranstva predstaviteleyami malochislennyh narodov Severa v razlichnyh sociokul'turnyh sredah* [Interpretation of the space of small peoples of the North in various sociocultural environments]: Avtoref... kand.soc.nauk. Moskva, 2008. 35 s. (In Russian).
20. Turovskij R.F. *Politicheskaya regionalistika* [Political regionalism]. M.: 2006. 784 s. (In Russian).
21. Hill F., Geddi K. *Sibirskoe bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushchee Rossii* [Siberian Burden. Miscalculations of Soviet planning and the future of Russia] / Per. s angl. M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007. 328 s. (In Russian).